

ВАЛЕТ

Я. РУСАНОВ

«Не-е-ет! Его не продается — шибко хороший собака, мне нужен. Хандагай идет, чипкан идет, белка лает, птичка лает, маленький олешка не трогает». Речь шла о лайке, которую мне страстно хотелось купить. Накануне, когда мы на моторке подошли к Полигусу (поселок на Подкаменной Тунгуске), я ощутил «укол в сердце» — среди встретившего нас пестрого сборища остроуховислоухих псов мне бросился в глаза кобель, точно воплотивший в себе мои мечты об идеале промысловой лайки. Крупный, настолько мощный, что это даже мешало заметить его недюжинный рост, с прекрасной головой и высоко поставленными ушами (что у восточносибирских лаек встречается нечасто), он резко выделялся среди всей этой лаявшей своры. Окрас у него был черно-белый, темные раскосые глаза смотрели умно, и держался он с достоинством.

Лайки промысловых районов редко бывают злыми к человеку. Караульная служба — не их амплуа, так как все силы и помыслы этих собак от даются охоте, а без человека последняя невозможна. Тем не менее многие из толпившихся на берегу псов на нас брехали, некоторые предлагали дружбу, видимо, в надежде на подачку, этот же постоял, посмотрел и отправился по каким-то своим делам.

Я выяснил, что принадлежит он пастуху-эвенку по имени Серкал, приехавшему в Полигус за продуктами, нашел его и теперь безуспешно пробовал купить у него так приглянувшегося мне Валета. Тогда хорошая лайка в Эвенкии стоила 400—500 рублей. Я уже предлагал (далеко превысив доступный для меня предел) 800, но дело так и не сладилось. На следующее утро я решил повторить попытку, однако ни знакомого чума, ни Серкала, ни Валета уже не нашел — они отправились к своим олешкам.

Дня через два во двор, где я сидел, все еще переживая свою неудачу, зашел знакомый эвенк и стал горько жаловаться на отсутствие в магазине спиртного: «Спирта нету, диколон нету, бутылка — золотой голова (шампанское) тоже нету! Как жить будем? Совсем худо!» Я был зол, расстроен и без какой-либо задней мысли сказал, что вот, если бы удалось мне купить Валета, то можно было бы и выпить. Ответ последовал незамедлительно:

— У меня пять собак, шибко охотники хорошие. Спирт есть? Любую бери!

— Мне твоих не надо — я у Серкала купить хотел.

Разговор у нас продолжался долго, был нудным и, на мой взгляд, совершенно пустым. Собеседник же мой почерпнул из него три истины, а имен но: у меня есть бутылка спирта, ни какими подходами и посулами выманить ее у меня не удастся, и если мне продадут Серкалова Валета, то указанная бутылка станет доступной. Осознав это, он почему-то не пошел со двора в ворота, а перелез через забор и быстрым шагом удалился в сторону тайги. Я о нем очень быстро забыл, так как дел у нас было много, предстоял четырехмесячный выход на промысел, ну а с собакой раз не удалось, значит, не удалось. Да и проблема эта была не такой уж острой, ведь лайка у меня имелась. Правда, хорошо работая по белке, она перед сободем пасовала и догнать его обычно не могла. Впрочем, с неудачей я примирился.

Я тогда просто не знал магической в этих местах силы спирта. Вечером следующего дня мои занятия очередной бюрократической писаниной были прерваны — кто-то во дворе заорал: «Начальник! Собака тебе привели!» Я выглянул в окно и увидел перед домом сидящих на оленях Серкала и моего давешнего знакомца, а рядом — привязанного на веревку Валета. Серкал сразу приступил к делу:

— Ты почто не говорил, что спирт есть? Не ладно! Туда, сюда ходи, тайга меряй. Плохо! Спирт есть?

— А ты Валета мне продашь?

— Деньги не нада! Спирт давай. Валет бери.

Итак, мне предлагали то самое, за что, как я знал, по закону полагалось чуть ли не два года тюрьмы — спаивание представителей малых народностей в корыстных целях. Ну уж нет! Я и так чувствовал себя паршиво, так как прекрасно понимал, что, даже покупая Валета, я все равно играю на неудержимом пристрастии этих людей к выпивке. Однако отступать было поздно.

— Нет, Серкал! Давай пойдём в дом, я тебе заплачу 500 рублей, ты мне подпишешь расписку, а спирт я тебе так отдам.

— Сам с нами пить будешь?

— Не буду.

— А-а-а! Ладна, идем бумага писать. Деньги он с полным равнодушием скомкал и сунул за пазуху, в бутылку же от шампанского, наполненную вождельным напитком, вцепился, как коршун. Откупорил, понюхал, глотнул, угостил «своего спутника и великодушно обратился ко мне:

— Собака веревку вяжи. Долго отпускать не надо — уйдет. Идем с нами я тебя угощать буду. стакан... нет, полстакана налью!

Я поблагодарил и отказался. Прощаясь с ними, я поинтересовался у своего вчерашнего визитера: «Не ужели он так прямо от меня и пустился в дорогу более чем за тридцать километров?» — «Спирт есть, так как не сразу?» — был его ответ. На том мы и расстались. Валет остался у меня.

Мы провели в Полигусе еще четыре дня и все они были для меня мукой мученической. Дело в том, что местная публика не могла поверить, что я так вот за какую-то собаку отдал последний имевшийся у меня спирт (и даже от полстакана отказался!). Все были совершенно убеждены, что у меня еще есть запасец и с утра до вечера ко мне приставали. Но у меня и правда запаса не имелось, так что память, видимо, обо мне осталась как о великом жмоте.

Я не заметил, чтобы Валет хоть в какой-то степени переживал смену хозяина. Да это и неудивительно, ибо в большинстве своем эвенки собак вниманием не балуют и относятся к ним сугубо потребительски. Собака должна делать свое дело, то есть помогать хозяину на охоте, за что ее иногда кормят, и не более того. Вот сидит, например, человек и с аппетитом поедает большой кусок жирной вареной оленины. Перед ним, пуская слюни, расположился его донельзя тощий пес. Он буквально изнывает от желания заполучить хоть кусочек, хозяин же с ним беседует: «Чито глядишь? Мяса хочешь? А-а-а! Окотиться нужно: мышка, бурундук ловить. Вот!» Следует пинок и неудачливый попрошайка с визгом убегает «окотиться». За несколько промысловых сезонов, которые я провел в Эвенкии, с иным отношением к своим лайкам мне пришлось столкнуться лишь однажды, но и обстоятельства там были совсем особые. Охотник-эвенк был глухонемым. Несмотря на это, добывал он не меньше, если не больше любого здорового промысловика. Помогали ему в этом два великолепных кобеля. Когда он выходил на промысел, один из них посылался в поиск, второй оставался при хозяине в качестве поводыря. Едва до него доносился призывный лай напарника (которого хозяин, конечно, не слышал), как он принимался тащить охотника к месту полайки. Попеременно собаки менялись ролями. То ли понимая, что успехами он целиком обязан своим помощникам, то ли из-за своего недуга, конечно, затруднявшего его общение с людьми, но никак не мешавшего общению с собаками, охотник этот своих псов холил, поровну делил с ними пищу и устраивал им теплые гнезда для ночлега, а то и спал вместе с ними.

Серкал, видимо, ничего подобного не делал, и ко мне кобель привязался быстро. Правда, какое-то время он не очень мне доверял, но это уже было следствием эвенкийской выучки. Суть последней сводится к тому, что собаку сперва провоцируют совершить какой-либо недозволенный поступок (чаще всего взять пищу в пределах палатки или чума), а потом за него наказывают. Выглядит это следующим образом. Сидит человек в чуме, очищает оленью шкуру от жира и прирезей мяса, содранные кусочки выбрасывает наружу через открытую дверь. Собака эти кусочки собирает, а они падают все ближе и ближе от входа. Наконец, один упал, не долетев до рога. Если только собака попытается его схватить, ее немедленно ошарашивают специально подготовленной палкой. Несколько таких уроков — и любая, самая соблазнительная, еда, находящаяся в пределах чума (палатки или избушки), становится для собаки абсолютным табу.

Я, конечно, понимаю, что для эвенков, чьи жилища часто остаются без присмотра и в которые собаке вообще ничего не стоит проникнуть, совершенно необходимо отучить лаек от воровства. Однако вышеописанный метод, несмотря на его эффективность, имеет и отрицательную сторону, а именно закрепляет в собаке недоверие к человеку. Кстати сказать, уже потом, в процессе приучения Валета к городской жизни, самым трудным было заставить его есть в доме. От подстав ленной ему пищи он пятился, и вид у него был такой, будто он думал: «Нет уж. Лучше не надо, а то начнешь есть, да и получишь!»

Нам предстоял долгий путь: сперва водой вверх по Подкаменной Тунгуске, через все ее пороги до Куюмбы, а затем оленями к вершине ее притока Северной Такуры. Это были годы, когда я работал по теме «Освоение глубинных угодий» и в соответствии с заданием мне нужно было забираться в места, где минимум двадцать лет промысел не проводился. Верховья Такуры и были таким давным-давно не осваивавшимся районом.

Добирались мы долго. Все эти Большой, Вельминский, Мучной и другие пороги бушевали во всю, и наша хилая подвесная «Москва» против их напора не тянула. Приходилось тащить лодки бичевой, и побурлачить нам пришлось вдоволь. Во время пути мы не раз замечали на островах лосей, но на их жизнь не покушались, самонадеянно думая, что имевшиеся у нас лицензии

используем на месте и избавимся таким образом от необходимости тратить время и силы на вяление мяса и его транспортировку. Таким образом, собаки наши практически не работали. Только раз, во время ночевки, они прихватили на берегу медведицу с медвежатами, загнали все семейство в расщелину береговых скал и всю ночь «ревели лихоматом», так как стрелять зверей мы не хотели. Валет в этой забаве участия не принимал. Он сбегал, посмотрел, в чем там дело, и вернулся на табор. Так что было очевидно, что «медвежатника» я в его лице не приобрел. Впрочем, Серкал ведь и не говорил, что пес идет по медведю. Перед утром зверям, видимо, удалось вырваться из осады и налаявшиеся до хрипоты собаки вернулись. При заходе в тайгу мы вели псов на привязи, чтобы они попусту не бегали (охота на пушные виды еще не открылась), и я по-прежнему оставался в неведении об истинной ценности своей покупки.

Наконец, все предварительные дела были закончены. Избушка и лабаз для продуктов желтели свежим деревом рубленых стен на берегу быстро бегущей, еще не прихваченной льдом речки. Возле них возвышалась солидная поленница дров, а кругом этого маленького, расчищенного нами пятка земли, стояла нетронутая и нехоженная человеком тайга. Окружающие уголья сушили многое. Старые мощные кедровники по относительно пологим склонам были удобны для ходьбы и богаты зверем. Каменистых россыпей, этого проклятия для охотника-соболятника, куда спасающийся от преследования соболь скрывается как в недоступную крепость, почти не встречалось. Даже зарастающие молодняком участки старых лесных гарей с их непреодолимыми завалами погибших от огня и потом упавших деревьев попадались сравнительно редко. Соболей же было много. Стоило отойти от нашего стана на несколько сотен метров, и характерные отпечатки пушистых лапок на уже вы павшем снегу попадались обязательно. Смущало нас только одно — снегопад. С первого же дня нашего появления здесь он не прекращался ни на час. С безоблачного неба, едва подернутого беловатой дымкой, непрерывно падали крупные сверкающие снежинки. Было совершенно безветренно, слегка морозило, светило солнце, ночью были видны звезды, а монотонное опускание белых пушистых хлопьев не прекращалось. Нас вполне могло завалить, то есть снега выпало бы так много, что собаки не смогли бы работать и только «пурхались» бы в сугробах в тщетных попытках догнать соболя.

В первый день промысла свежий, как мне показалось, след мы с Валетом нашли быстро. Спущенный с поводка пес умчался и почти сразу залаял, но, увы, на белку. Руки у меня опустились, так как грош цена лайке соболятнице, которая ради белки бросает преследование драгоценного соболя. В полном расстройстве чувств я опять взял Валета на привязь. Мы спустились в распадок, а когда стали вновь подниматься на увал, кобель рванулся вперед так, что чуть не свалил меня с ног — прямо перед нами от поваленного кедра через поля ну уходила четкая линия соболиного нарыска. Получив свободу, Валет, однако, по нему не пошел, а кинулся в пята, то есть туда, откуда зверь пришел. Я кричал и свистел, пробуя направить его на путь истинный, но пес как в воду канул. Вконец расстроенный, я начал выяснять по следу, куда же его унесло. Отпечатки его прыжков уходили в кедровник и там, к великой моей радости, сходились со следом соболя, причем и зверь, и собака шли уже в одном направлении. Через каких-нибудь полчаса до меня донесся лай, и вот я уже под кедром, вокруг которого приплясывает Валет, а в кроне злобно поуркивает наш первый соболь. Падающего после выстрела зверька пес схватил налету, дакнул за голову и положил на снег. Итак, почин был сделан. Весь этот сезон я не мог нахвалиться своим помощником. В его действиях была удивительная осмысленность и надежность. Он не суетился и не метался, попав на соболиные наброды, а быстро делал круг, выходил на ходовой след, начинал преследование и всегда доводил его до конца. Даже когда снег настолько огрубел, что собаки моих спутников работать уже не могли, Валет за счет своего большого роста, мощи и экономного расходования сил еще какое-то время действовал успешно. Потом нас окончательно завалило и пришлось переселяться в другую избушку, стоявшую километров на двадцать ниже по течению реки. Соболей там было много меньше, но и снега тоже. Сюда же мы по очереди раз в три дня ходили проверять капканы. Пришел, наконец, и мой черед. Мы с Валетом вышли еще по темному и рассвет встретили уже на хребте. Проторенная, чуть присыпанная ночной порошей лыжня тянулась под отяжелевшими от кухты ветвями, прорезая пухлые, девственно чистые сугробы. На ней было полно всяких следов, видимо лесные обитатели ею постоянно пользовались. То и дело попа дались соболиные нарыски, и бежавший впереди Валет тщательно их обнюхивал, но с лыжни свернуть не решался. Однако в конце концов ему попался следок, возбудивший его особый интерес. Он долго его обнюхивал и потом полез по нему, увязая в снегу чуть ли не по уши. Я остановился и не успел закурить, как в кедровнике, совсем рядом, раздался какой-то яростный взбreh, рычание и через несколько секунд азартный лай. Я катнулся под горку и меньше чем в ста шагах добыл соболя, который сидел на убогой, маленькой, полузасохшей кедрушке. По следам можно было разобрать все, что здесь произошло: соболь лакомился опавшими ягодами рябины, и кобель, тихо подбравшись к нему шагов на двадцать, рывкнул, бросился, напугал и заставил искать спасения на первом попавшемся дереве. Вернувшись на лыжню, мы

тронулись дальше. Валет опять проверял на свежесть все соболиные переходы и уже во второй половине дня вновь наткнулся на совсем «тепленький» следок, полез по нему, и все повторилось. На этот раз я обратил внимание на то, как медленно и осторожно кобель пробирался через сугробы, это было что-то напоминающее потяжку легавой, которая, замирая и едва переставляя лапы, подводит охотника к затаившейся дичи. Мне да же пришло в голову, что, может быть, не столько свежесть следа, сколько пойманной собакой запах самого зверька служит для нее сигналом покинуть торную тропу и попытаться догнать добычу. Так или иначе, а в этих совершенно непригодных для работы лайки условиях двух соболей мы взяли.

Через день на обратном пути Валет опять таким же манером загнал соболя, но на этот раз, к сожалению, на такой кедр, на который по выражению нашего проводника «хоть медведя затолкай, и то не увидишь». Это дерево, а вернее, два рядом стоящих кедра поднимались метров на тридцать, сплетались ветвями и были облеплены кухтой. Соболю затаился — не шевелился, не уркал, и, сколько я ни ходил кругом, даже с помощью бинокля увидеть его не мог. Ничего не оставалось делать, как попробовать напугать его выстрелом и заставить себя обнаружить. Боезапас у меня был солидный: около 100 патрончиков для малопульного и 13 патронов для дробового ствола. И вот я начал посыпать пульку за пулькой во все подозрительные сгущения ветвей и хвои, где можно было заподозрить присутствие хитреца. Все было напрасно — ни звука, ни движения, только иногда срубленные пулями веточки падали в облаке сверкающей снежной пыли. Солнце между тем уже клонилось к вершинам леса, а до дома было еще далеко, и, самое главное, по пути меня ждал очень крутой спуск по старой гари, где, раскатившись в темноте среди хаоса поваленных стволов, очень легко можно было налететь на какую-нибудь мерзость и переломать кости. Малокалиберные патрончики кончились, из тринадцати дробовых остался один — и тут соболю показался. Он вдруг прыгнул на соседний кедр, пролетел по воздуху черный, пушистый, и даже оранжевое пятно у него на горле, как огонек, мелькнуло в лучах заходящего солнца. Я выстрелил по нему навскидку, как стреляешь по слетающей внезапно с дерева птице — и целая лавина кухты об рушилась, помешав мне увидеть результаты выстрела. Валет перескочил к соседнему кедру и с остервенением залаял, а я плюнул и, закинув за плечи бесполезное ружье, на чал его отзывать, чтобы идти к дому. Абсолютная уверенность в том, что теперь, когда мне нечем стрелять, я обязательно увижу соболя, если начну его высматривать, была настолько сильна, что я не хотел и пробовать. Я вышел на лыжню и только тут осознал, что собака у меня смолкла. Пришлось возвращаться, и не даром: Валет сидел возле глубокой ямки в снегу и, вывалив язык, весело на меня поглядывал, а в ямке был соболю, падения которого в этой массе посыпавшейся кухты ни я, ни пес не заметили. На промысле я с Валетом провел два сезона. Потом тематика моих работ сменилась и вместо таежных дебрей Эвенкии и Забайкалья начались выезды в обжитые, изъезженные и исхоженные уголья спортивных охотничьих хозяйств. Самое неприятное, с чем нам тут пришлось столкнуться, — обилие лосей. Для Валета этот зверь наряду с соболем был главным, самым желанным объектом охоты. Так уж он воспитан, что, попав на лосиный след, бросал все остальное и начинал преследование. Он четко знал, что его задача — догнать лося, сколько бы ни пришлось потратить на это сил и времени, остановить его и удержать на месте до прихода хозяина. Если это удастся, то награда обеспечена — в его полное распоряжение будет отдана масса вкуснейших деликатесов, которыми люди почему-то пренебрегают. Можно будет объедать с требухи полосы нежного нутряного жира, лакать кровь, подхватывать на лету брошенные довольными охотниками куски мяса и потом, наевшись до блаженной сытой одури, дремать, отдыхая от всех трудов, пока будет идти разделка зверя. Но чего стоили все эти знания в условиях Переяславского или Истринского охотхозяйств? Я же не мог стрелять лосей: и сезон был не тот, и лицензий у меня не было. Валету все это было невдомек, и он с великим старанием делал то, что считал необходимым. В первый же наш выход в лес он привязался к крупному рогачу и отозвать его было невозможно. Не помню уже сколько раз, пытаюсь его, поймать, я подходил вплотную к поставленному им зверю. Заметив мое приближение, пес делал все, чтобы отвлечь внимание зверя на себя: перебежал на противоположную от меня сторону, подскакивал на месте, припадал на передние лапы и лаял, лаял, не умолкая. При этом он все время поглядывал на меня, явно ожидая выстрела. В эти минуты я был рад тому, что собаки не говорят: то, что я услышал бы от Валета, вряд ли доставило бы мне удовольствие. Рано или поздно лось меня замечал, пускался в бег и собака уходила следом за ним.

Мне нужно было работать, и не мог я весь день потратить на попытки поймать своего обзартившегося лосятника. Пришлось оставить его и заняться делами в надежде, что он сам бросит не приносящее толку занятие. Плохо я, однако, о нем думал. Только на третьи сутки пес пришел, а вернее, притащился домой худой, замызганный и совершенно измученный. После дня отдыха все повторилось и повторялось ежедневно почти неделю, но на ночь Валет в лесу больше не оставался и «пас» своих подопечных лишь в течение дня. Наконец, он, видимо, понял, что лоси мне не нужны, что я их не стреляю и, следовательно, гоняться за ними нет смысла. Валет достался мне уже

работающим и приученным к порядку псом. Хлопот с ним было мало: он был послушен, очень спокоен и сообразителен. К посторонним людям был доброжелателен, но ненавязчив. С другими собаками сам в драку никогда не лез, но, если на него нападали, учинял агрессору жесточайшую трепку, однако и здесь соблюдал некий кодекс рыцарства: поверженного на землю противника уже не грыз и, постояв над ним, отходил прочь.

Как-то в Эвенкии я был свидетелем просто поразившей меня сцены. Стоя на улице, я разговаривал с приятелем, а Валет сидел рядом, когда с огорода появилась собачья свадьба. Впереди бежала виновница торжества, рядом с нею Тарзан, принадлежавший как раз моему собеседнику, а дальше пестрой сворой следовали десятка полтора «ассистентов». Тарзан был крупным, очень ладным кобелем, державшим в страхе и беспрекословном подчинении всех куюмбинских псов. Я засуетился, пытаюсь взять Валета на привязь, но не успел. Рыжая прелестница уже вертелась вокруг него и была явно не прочь присоединить его к своей свите. Валет встретил ее очень галантно, но тут между ними втиснулся Тарзан и оба кобеля застыли в полной неподвижности. Не было ничего столь характерного для ритуала собачьих встреч: ни рычания, ни вздыбленной шерсти, ни взаимного обнюхивания. Оба просто стояли бок о бок и не шевелились. Вмешиваться было поздно, так как мы только спровоцировали бы начало драки. Сучка, повиливая хвостом, смотрела на соперников, а все ее спутники расселись кругом, видимо, не смея вмешиваться в назревающий конфликт. Я не выдержал:

— Слушай, Валентин, они же сейчас сгрызутся!

— Не замай! Может, обдумаются, а задержатся — растащим.

Рыжая искусительница, наверное, решила, что события развиваются не достаточно динамично и попыталась подогреть страсти. Однако стоило ей приблизиться к соперникам, как Тарзан вдруг показал зубы, но не Валету, а ей, оттолкнул ее плечом и так, отталкивая и скалясь, погнал прочь, а за ними последовали и остальные. Валет остался с нами.

Валентин мне подмигнул и засмеялся.

— Видал? А ты говорил задержатся. Нет, паря, у них тоже мозга работает. Тут ведь кто кого — еще бабка ворожила, легко не управисься. Вот, значит, и решили — не заводиться. Нам бы при этих кобелях в одной избушке жить-промышлять, так и без заботушки!

Нужно думать, что внутренняя сущность ситуации была в этих словах изложена правильно.

Итак, повторяю, что в быту Валет мало осложнял мне жизнь. Тем не менее одним из самых невообразимых скандалов я обязан именно ему. В нашей охотустроительной партии работал некто Казачков — личность, мягко говоря, малосимпатичная. По специальности он был лесоводом, но на этом поприще особых лавров не стяжал и его присоединили к нам. То ли наше лесное начальство посчитало, что в примитивном деле (каким этому начальству представлялось проектирование охотничьих хозяйств) сойдет и такой специалист, то ли его просто некуда больше было пристроить, но, так или иначе, он работал с нами. Собак он совершенно не переносил, боялся и постоянно читал нам лекции о бешенстве, чесотке, глистах и эхинококке. По вечерам он демонстративно обследовал собственное пузо, выискивая на нем признаки «собачьей парши».

В какой-то день Валет придушил большого черного хоря. Я снял шкурку, а тушку выкинул за забор в кусты. После этого пес ежедневно туда наведывался: наверное, проверял, до какой стадии разложения дошел его трофей. Когда же последний «созрел». Валет в нем извалялся и, «надушившись», никем не замеченный, пробрался в дом и залез под кровать спавшего Казачкова. Я совершенно убежден, что им руководили самые добрые побуждения, ведь для него тошнотворный смрад протухшего хоря был райским благоуханием, которым он и решил усладить того единственного человека, который проявлял к нему недружелюбие. Так что поступок его следовало расценивать как аванс к примирению и плату добром за зло. К сожалению, Казачков его не понял. Мы мирно беседовали на крылечке, когда в доме раздался жалобный, душераздирающий вопль, перешедший затем в настоящий каскад отборнейшей ругани. Потом оттуда выскочил Казачков и начал метаться по двору, изрыгая все новые и новые проклятия. Для какого-нибудь Юза Алешковского и других литераторов, трудящихся над обогащением русского языка теми перлами, которые они тщательно переписывают со стен общественных клозетов, рулады Казачкова могли бы послужить источником великого вдохновения. Сочность пущенных в ход выражений была по меньшей мере равна тому убийственному аромату, которым смердило наше жилище! Комнаты пришлось проветривать, Валета отмывать, а Казачков к перечню гнусных собачьих особенностей прибавил мстительность. Переход от промысловой к любительской охоте Валету был не по душе. Ему не хватало бескрайних просторов тайги, ежедневной напряженной работы или полной свободы в месяцы охотничьего межсезонья. Не было того, на чем он был воспитан, к чему привык и чего жаждал всем своим существом. Все эти утиные, тетеревиные и вообще птичьи охоты он, по-моему, просто презирал, хотя и делал на них все, что положено лайке. Кабана за дичь он вообще не признавал, и единственные звери, по которым он работал с полной страстью, были рысь и куница,

но ведь встречи с ними бывали так редки, а случаи, когда по ним можно было стрелять, и того реже. Режим любительских охот с его выездами на один-два дня, постоянными встречами с людьми и домашними животными его то же не устраивал и не давал ему достаточной разрядки. Специально ради собаки я иногда ездил побелковать, но и такие выезды были слишком кратковременны и легки. Пес скучал, жирел, у него проявилась склонность к бродяжничеству, которая и привела его к безвременному концу. С тех пор я не держал лаек и уверен, что тому, кто не может обеспечить этим прекрасным собакам условий для необходимой им полноценной работы, держать их не следует.